Выйдя из одного из многочисленных каминов, что зияли по обе стороны величественного атриума Министерства, Гарри ловко перешагнул через его пылающее жерло, не уронив ни единой капли пота. — Кажется, я начинаю понимать, как это делается, — подумал он, — всё дело во времени. Сигнус повел их через весь атриум к воротам охраны, где дежурный маг, смерив их палочки тяжелым взглядом, протянул квитанцию. Сигнус молча смотрел на него, пока охранник, заикаясь, не извинился и не вернул им палочки. — Что это было? — спросил Гарри, с недоумением наблюдая за происходящим.— По требованиям безопасности Министерства, посетители должны сдавать свои палочки, прежде чем покинуть атриум, — пояснил Сигнус, — Однако, поскольку я, а вскоре и ты, являемся членами Визенгамота, мы считаемся сотрудниками. Это означает, что мы носим свои палочки с собой. Охранник проявил неуважение, не предложив нам сразу же вернуть палочки, когда мы вошли.— Приятно слышать, — кивнул Гарри, не скрывая облегчения.Сигнус повел их к банку лифтов. К удивлению Гарри, он обнаружил, что те лифты, которые он считал вертикальными, на самом деле могли двигаться по всем трём осям, словно птицы, парящие в небе. Через мгновение они оказались на втором уровне в узком, но длинном фойе. Прямо перед ними находилась дверь с надписью "Отдел авроров". Справа от них тянулся ряд дверей. Сигнус подвел их к пятой и последней двери, двойной, справа. Сразу за дверью стояли два аврора в мантиях. Они осмотрели троих, пропуская их вперед, и Сигнус повел их по узкой лестнице в помещение, которое явно было галереей для посетителей. Однако он прошел через всю комнату и вышел через другую дверь. Гарри бросил на Дафну недоуменный взгляд. Она улыбнулась и сказала: — За той дверью, куда вышел папа, заседает судебная коллегия. Поскольку папа давно является членом Визенгамота, он может потребовать, чтобы его включили в состав коллегии. Для этого он и пошёл.Оглядевшись, Гарри увидел, что комната имеет довольно круглую форму. Почти две трети комнаты занимали многоярусные сиденья, которые казались довольно мягкими. В каждом конце был проход, один из которых вел туда, куда вошла группа из трех человек. Последнюю треть занимали жёсткие деревянные скамьи, на которых сидели он, Дафна и ещё несколько человек. Приглядевшись, Гарри увидел, что по крайней мере пара из них — журналисты, разбившие лагерь у его больничной палаты, пока он находился в больнице Святого Мунго. Это навело его на мысль, что и остальные, скорее всего, принадлежат к той же профессии. Они сидели, тихо переговариваясь друг с другом шепотом, и ждали, что произойдет. Незадолго до 14:15 двери, через которые вышел Сигнус, снова открылись, и в зал ворвался поток волшебников и ведьм в мантиях сливового цвета, которые тут же поднялись в мягкие крытые кресла напротив. Гарри с удивлением увидел, что Дамблдор занял место сразу слева от центрального кресла. Справа от него сидел довольно тучный мужчина в котелке цвета лайма. Несколько мгновений спустя они наблюдали, как в зал вошла пожилая ведьма в сопровождении мадам Боунс. Обе поднялись на ярусы. Пожилая ведьма заняла место в центре, а мадам Боунс села на место в самом конце.— О, хорошо, — прошептала Дафна Гарри. — Мадам Марчбэнкс председательствует. Она строгая, но очень справедливая.Как только она села, Гарри заметил, что часы на стене щелкнули, пробив 14.15. Взяв в правую руку молоточек, она дважды коротко стукнула им по скамье перед собой и кивнула молодому человеку, сидевшему на другом конце передней скамьи от мадам Боунс. Молодой человек ясным голосом сказал: — Слушайте! Мы собрались в этот восьмой день сентября девятнадцатого года девяносто первого года на чрезвычайное заседание для вынесения приговора. Председательствует мадам Гризельда Марчбэнкс.Мадам Марчбэнкс спросила ясным голосом:— Мадам Боунс, по чьему делу мы заседаем в суде?Амелия ответила:— Сначала мы судим двух маггловъ, которые обвиняются в преступлениях против юного Наследника благородного и древнейшего Дома. Этими обвинениями являются: 10 пунктов обвинения в физическом насилии над ребёнком; 10 пунктов обвинения в психологическом насилии над ребёнком; 10 пунктов обвинения в пренебрежении интересами ребёнка; 10 пунктов обвинения в создании угрозы для ребёнка; и попытка, посредством постоянного физического и психологического насилия, положить конец роду Благородного и Древнейшего Дома.Из зала

послышалось гневное бормотание. Гарри увидел реакцию Дамблдора и шепнул Дафне: — Посмотри на Дамблдора. Мне кажется, он прекрасно понимает, кого собираются привести, но всё равно шокирован обвинением.— Очень хорошо, — сказала мадам Марчбэнкс. — И как же зовут этого несчастного Наследника?— Мистер Гарри Джеймс Поттер, — ответила Амелия. Раздалось еще более сердитое бормотание и несколько криков возмущения. Дамблдор выглядел откровенно больным. Мадам Марчбэнкс несколько раз стукнула молотком, пока снова не взяла заседание под свой контроль. Как только все затихли, она скомандовала: — Ввести обвиняемых.Гарри обернулся на звук открывающихся дверей, и в зал вошли два человека, которых он ожидал увидеть, по два аврора. Двое мужчин-авроров держали Вернона за руки с обеих сторон. Две женщины держали Петунию. Тетя и дядя выглядели весьма удрученными. Как только Вернон увидел сидящих, он начал на них ругаться.— Что это значит, вы, уроды? Я — Вернон В. Дурсли, прекрасный и достойный член британского общества. Я не потерплю такого обращения. Как вы смеете…— Молчать! — крикнула мадам Марчбэнкс. Челюсть Вернона сомкнулась так быстро, что Гарри показалось, будто он слышит стук его зубов. Тем временем авроры усадили обоих в стоящие рядом кресла, и цепи, которыми они были обмотаны, тут же ожили и приковали их к креслам. Петуния кричала от страха, а Вернон тщетно пытался с помощью грубой силы освободиться от них. Через несколько секунд бессмысленных попыток они успокоились. Мадам Марчбэнкс заговорила: — Вернон Уинстон Дурсли, Петуния Энн Дурсли, урожденная Эванс, вы обвиняетесь в десяти случаях физического насилия над ребенком, десяти случаях психологического насилия над ребенком, десяти случаях отсутствия заботы о ребенке, десяти случаях создания опасности для ребенка, а также в попытке, путем постоянного физического и психологического насилия, положить конец роду благородного и древнейшего Дома. Как вы признаете эти обвинения?— Я не признаю эту несправедливость! — ядовито прокричал Вернон. — Вы просто уроды! Мы признаем только авторитет настоящей судебной системы Соединенного Королевства, а не эту ерунду…— Молчать! — снова закричала мадам Марчбэнкс. И снова челюсть Вернона сомкнулась. — Ваше признание невиновности занесено в протокол. А вы, мадам Дурсли, как вы признаете свою вину? — спросила мадам Марчбэнкс, властно глядя на Петунию.— Не виновна! — надменно ответила та.— Очень хорошо, — холодно произнесла мадам Марчбэнкс. — Так и быть.Старая ведьма повернулась к мадам Боунс: — Мадам Боунс, пожалуйста, представьте ваше дело.То, что последовало, было для Гарри заново пережитым кошмаром. Все воспоминания, которые он передал мадам Боунс о своей жизни среди Дурслей, были выставлены на всеобщее обозрение над специально принесенным для этой цели перьевым ситом. Это были не все его воспоминания, но они были достаточно показательны.Проигрывались и другие воспоминания. Воспоминания других людей. О том, как авроры приходили на Прайветт Драйв, чтобы поговорить с Дурслями, и подвергались словесным оскорблениям. Вернон даже попытался ударить одного из них, в результате чего аврор ударил его Окаменевшим проклятием. Были воспоминания о поминутном осмотре шкафа под лестницей, спальни Дадли, о том, что была свободная спальня, которая была частично заполнена вещами Дадли, в основном сломанными. Бегущий комментарий о том, что было найдено, давался аврором, четко произносившим запись воспоминания.В течение всего времени, пока воспроизводились воспоминания, Дафна почти смертельной хваткой вцепилась в руку Гарри. Уже через несколько минут она зарылась головой в его плечо и тихонько зарыдала. Однажды он спросил ее шепотом, не стоит ли вывести ее на улицу. Она отказалась, сказав, что будет сидеть до конца, даже если не сможет смотреть на многое. В какой-то момент Гарри попросил её посмотреть на лицо Дамблдора. Старик сидел и открыто плакал. Это не было притворством. Несколько раз разных людей рвало. Беспорядок очень быстро исчезал.Когда всё представление было закончено, в комнате воцарилась полная тишина. Прошло несколько секунд, прежде чем мадам Марчбэнкс обратилась к Амелии и попросила привести другие доказательства против обвиняемого. Мадам Боунс встала и зачитала список травм, которые получил Гарри, когда его привезли в больницу Святого Мунго. Их было

довольно много, и чтение списка заняло несколько минут. Когда Амелия закончила, она сказала:— Я могу пригласить целителей для дачи показаний, чтобы они подтвердили или уточнили эту информацию, если того пожелает суд.— Нет, — сказала мадам Марчбэнкс почти криком. — Я не думаю, что это будет необходимо.После нескольких успокоительных вдохов она спросила:— Есть ли еще какие-либо доказательства против обвиняемого?— Нет, мадам Марчбэнкс, — ответила Амелия.Гарри услышал, как один-единственный голос очень искренне сказал:— Слава Мерлину!Затем мадам Марчбэнкс повернулась к обвиняемой паре и сказала:— Мистер и мисс Дурсли, в стремлении к справедливости, есть ли у вас какие-либо доказательства в свою защиту?И снова Вернон чуть не зарычал:— Этот урод заслужил всё это! Я намерен выбить из него вашу уродливость, если это будет последнее, что я сделаю! И как вы смеете, уроды, вторгаться в мой дом и похищать нас! Когда об этом узнает настоящая полиция, она с вами со всеми разберется, спасибо вам большое! Они знают, что я прекрасно...— Молчать! — прорычала мадам Марчбэнкс в третий раз.И снова у Вернона отвисла челюсть. Посмотрев на Петунию, она сказала:— А вы, мисс Дурсли? Согласно нашим записям, вы являетесь кровной родственницей мистера Поттера, будучи младшей сестрой его матери. Это так?Петуния, по щекам которой катились слезы, просто кивнула.— И вы знаете о магии и волшебном мире с самого раннего детства. Это верно?И снова Петуния просто кивнула. На этот раз она склонила голову.— Миссис Дурсли, — сердито произнесла старая ведьма. — Я хорошо знала вашу сестру. Она считалась самой яркой ведьмой, или волшебницей, своего поколения. Она боролась со злом, которое разрывало наш мир на части, с тем же злом, которое в конце концов разорвало бы и ваш собственный мир. По сути, она боролась за вас и ваш образ жизни. И отдала за это свою жизнь. Как вы могли сделать это... — она указала жестом на постамент, где стояла перьевая реликвия, — ...с вашим собственным племянником, с ее собственным ребенком, с тем, кого мы считаем одним из наших величайших героев, просто ужасает меня.Поколебавшись несколько мгновений, мадам Марчбэнкс затем спросила:— Петуния Дурсли, есть ли у вас какие-либо доказательства в свою защиту?— Мы никогда не хотели его, — начала она. — Он был брошен на нас без спроса. Если бы нас спросили, мы бы сказали, что он нам не нужен.Набирая силу и гнев, она сказала:— Но нет. Альбус-кровавый Дамблдор сказал, что мы должны его принять. Мы должны были дать ему дом. А он даже не соизволил прийти и обсудить это с нами. Он бросил этого уродца на пороге нашего дома с письмом наперевес. Письмо! В письме он сообщил, что пока Гарри может называть наш дом своим домом, для нашей защиты существуют кровные палаты. Чтобы защитить нас от таких уродов, как ты! Но толку от них было мало, не так ли? Вы все равно пришли и разрушили наши жизни! Почему вы не оставите нас в покое? Мы не хотим быть частью вашего мира. Мы просто хотим быть обычными людьми и жить так, как нам хочется! — и тут же затихла, зарыдав.Подождав несколько мгновений, пока Петуния успокоится, мадам Марчбэнкс сказала:— Поскольку больше нет никаких доказательств. Я вызываю...Вскочив на ноги, Гарри позвал:— Подождите!С ярусов донеслось возмущённое бормотание, когда мадам Марчбэнкс несколько раз стукнула молоточком по скамье.— А кто вы такой, чтобы прерывать этот процесс, молодой человек? — спросила она с суровым выражением лица.Выпрямившись, Гарри ответил твёрдым, но несущимся голосом:— Гарри Джеймс Поттер. Наследник благородного и древнейшего дома Поттеров.Мадам Марчбэнкс несколько мгновений смотрела в ответ, не обращая внимания на бормотание вокруг. Когда шум снова утих, она сказала:— Понятно. Что ж, если кто и имеет право прервать этот процесс, так это вы. Чем мы можем вам помочь, молодой человек?Он твёрдо ответил:— Я хочу выступить в защиту моих тёти и дяди, Вернона и Петунии Дурслей.С ярусов послышалось более громкое бормотание и даже несколько гневных восклицаний. Мадам Марчбэнкс пришлось несколько раз стукнуть молоточком, чтобы восстановить порядок.— Хотя вы очень похожи на Джеймса Поттера, и у вас такой же цвет глаз, как у Лили Поттер, у вас нет знаменитого шрама, — ответила она. — Если только вы не спрятали его под гламуром?— Шрама больше нет, — ответил Гарри. — Однако среди вас есть трое, кто может подтвердить мою личность, а также вот это… — Гарри поднял правую руку,

демонстрируя кольцо Дома Поттеров, сияющее в свете зала. — Кроме того, моя тетя и дядя могут подтвердить, что я тот, за кого себя выдаю.— И кто же эти трое, способные подтвердить вашу правоту? — спросила мадам Марчбэнкс, председательствующая на заседании Визенгамота.— Мадам Амелия Боунс, регент Боунс; вдовствующая леди Августа Лонгботтом, регент Лонгботтом; и лорд Сигнус Гринграсс, — ответил Гарри, выдерживая пристальный взгляд мадам Марчбэнкс.— Амелия? — обратился он к мадам Боунс.— Да, мадам Марчбэнкс, он тот, за кого себя выдаёт, — подтвердила мадам Боунс, кивнув.— Гас? — обратилась мадам Марчбэнкс к бабушке Гарри.— Да, Гризельда, он Гарри Поттер, — ответила леди Лонгботтом, голос её дрогнул, но в глазах читалась уверенность.— Сигнус? — спросила мадам Марчбэнкс.— Да, мадам Марчбэнкс. Это Гарри Поттер, по которому моя дочь плакала во время этих слушаний, — подтвердил лорд Гринграсс, с горечью глядя на Дурслей.— Тогда, пожалуйста, спуститесь в зал, мистер Поттер, и выступайте, — кивнула мадам Марчбэнкс, давая Гарри слово.Слегка сжав плечо Дафны, Гарри спустился по лестнице и вышел на середину площадки. Тетя и дядя наблюдали за его появлением. Дядя Вернон — со злобой, Петуния — с надеждой, сжавшей сердце Гарри. Спускаясь вниз, Гарри обдумывал, что он хочет сказать. Дойдя до середины пола, он остановился на несколько мгновений, слегка опустив голову, словно собираясь с мыслями. Затем он поднял голову и мягким тоном, но с силой, которая прозвучала в зале, произнес:— Достопочтенные члены Визенгамота, я пришёл к вам, чтобы выступить в защиту моих тёти и дяди. Они — последние из семьи моей матери. Как вы слышали из уст моей тёти, они не стремились стать моими опекунами. Я был невольно навязан им стариком, который никак не мог понять, что семья не хочет меня видеть, не любит меня. Однако они все же приняли меня.— Вернон и Петуния Дурсли боятся. Они боятся магии, потому что видят в ней что-то другое. Они боятся магии, потому что у них нет защиты от неё. Они боятся, потому что не понимают их. Они не понимают нас. А то, чего вы боитесь, вы можете легко возненавидеть. — Видите ли, когда вы боитесь чего-то достаточно долго, вы начинаете это ненавидеть. Вы ненавидите это, потому что вам не нравится бояться. Это заставляет вас чувствовать себя слабым. Сжигание ведьм и преследования — тому подтверждение.— Да, это звучит нелогично — ненавидеть что-то, потому что боишься этого. Однако такова человеческая природа. Ненавидеть становится еще легче, когда то, чего вы боитесь, — это другой человек. Точнее, чужой дар. Ведьмы и волшебники обладают силой, которой нет у маглов, таких как мои тетя и дядя. Это пугает их. Поэтому они ненавидят ведьм и волшебников за то, что те являются источником их страха.— Во мне они увидели то, чего боялись. Вот он я, сначала младенец, а потом маленький ребенок. И они боялись меня. Что бы вы чувствовали, если бы боялись маленького ребенка? — Петуния, выросшая как сестра магглорожденного, понимает, что такое случайная магия. Она понимает, что не по своей вине, а по вине ребенка, случайная магия может легко навредить другим. Поэтому, когда у меня стали проявляться признаки случайной магии, это вызвало у неё сильный страх.— Они приютили меня, хотя, возможно, и из-за кровных чар, установленных Альбусом Дамблдором; поэтому они не могли просто отослать меня снова. Поскольку я должен был оставаться в их доме, у них каким-то образом возникла идея, что они смогут выбить из меня магию. Они ошибочно решили, что если они сделают меня слабым, то и моя магия будет слабой. А если моя магия слаба, то и любая случайная магия, которую я проявлю, тоже будет слабой.— Мы знаем, что это было глупое предположение. Мы знаем, что когда магический ребенок находится в опасности, у него наблюдаются более сильные вспышки случайной магии. Но они, не будучи специалистами в области магии, этого не знали. И вот побои усилились. Дядя Вернон считает "ненормальным" то, что не соответствует параметрам, которые он считает нормальными. Поскольку он не считает ведьм и волшебников соответствующими его представлениям о нормальности, он считает их "уродами". Он не считает магию нормальной, поэтому рассматривает ее как "фриковость".— Когда я проявлял признаки случайной магии, он видел в этом признаки того, что я становлюсь уродом. Он хотел, чтобы я была нормальной, и решил выбить из меня эту ненормальность. Чтобы я снова стал нормальным. К тому же, каждый раз, когда я проявлял

признаки случайной магии, это подтверждало для него, что на свете есть люди, ведьмы и волшебники, которых он боится. И ему это не нравилось.Жестом руки он указал на своих тетю и дядю:— Вы видите здесь двух людей, которые очень сильно боятся. Два человека, которые в данный момент абсолютно напуганы. Два человека, которыми движет страх.— Я прошу вас сострадать им за их страх. Я прошу не казнить их, отправив через завесу или отдав на растерзание существам, которых они даже не видят, дементорам. Я также прошу не отправлять их в Азкабан, поскольку, будучи маглами, они не обладают достаточной конституцией, чтобы продержаться там более нескольких дней. Это будет для них ещё одной формой казни, только более затяжной.— Я прошу передать их в их собственную полицию, Метрополитен-полицию, вместе с весомыми и неопровержимыми доказательствами их преступлений, и поступить с ними в соответствии с обычаями маглов.Повернувшись к тёте и дяде, он сказал:— Вернон и Петуния Дурсли, вы маленькие испуганные глупцы; я — Гарри Джеймс Поттер, законный наследник благородного и древнейшего дома Поттеров. Я также являюсь одним из богатейших людей Великобритании. Если бы вы проявили хоть каплю порядочности, я бы поделился с вами своим огромным состоянием. Вам не пришлось бы ни о чем беспокоиться. Обо всем бы позаботились. Вместо этого вы позволили своему страху перед магией и волшебством управлять вашими жизнями и разрушить их.— Подумайте об этом, если вам повезет, пока вы доживаете последние дни в тюрьме. До свидания.Повернувшись лицом к мадам Марчбэнкс, он сказал:— Спасибо, мадам, что позволили мне выступить перед вами. Спасибо за то, что обдумали мои слова.С легким поклоном он повернулся и пошел обратно в галерею для посетителей. Он шел молча, опустив голову, словно все еще ожидая удара. Когда он снова сел, мадам Марчбэнкс слегка встряхнулась и сказала:— Теперь мы будем голосовать только за виновность или невиновность. Затем мы сделаем небольшой перерыв для обсуждения наказания. Все за "виновен"?Все палочки были подняты. — Хотя, кажется, это бессмысленно, — сказала она. — Все за невиновность?Ни одна палочка не была поднята. Повернувшись к Дурслям, она сказала:— Мы, Визенгамот, рассмотрев вас сегодня, признаём вас виновными по всем пунктам обвинения.Она стукнула молоточком и сказала:— Мы прерываемся, чтобы обсудить наказание.Члены комиссии, словно тени, растворились в дверях, оставив Дурслей застывшими, словно статуи. Гарри сидел неподвижно, рука Дафны лежала на его ладони, давая ему силу. — Вы, — Гарри сжал зубы, его взгляд был ледяным, — если не хотите оказаться в Святом Мунго, лишенными перьев и пергамента, оставьте нас в покое. Двое репортеров, жаждущих сенсации, отступили, но не ушли далеко. Их глаза, словно хищные птицы, следили за каждым движением пары. — Джентльмены! — Гарри прорычал, его голос был подобен грому, — Вы услышали от меня достаточно на сегодня. Если кто-нибудь из вас посмеет разгласить наш личный разговор, я использую свое богатство, чтобы стереть вас с лица земли! Возвращайтесь на свои места и не смейте нас беспокоить!Мурлыча извинения, но с явной досадой, репортеры удалились, оставляя Гарри и Дафну наедине. В этот момент в зал вошел Сигнус, словно призрак, и бесшумно занял место рядом с ними. Взглянув на отступающих репортеров, он сел, прикрывая их спиной. — Как вы, мои дорогие? — спросил он, его голос был тихим, но полным заботы.— Думаю, Дафне понадобится зелье беспробудного сна после всего этого, — ответил Гарри, — но я уже в порядке. Я высказал все, что хотел, и, как ни странно, это стало очищением, словно сбросил с души тяжкий груз. Он кивнул в сторону закрывшейся двери. — Что там происходит? — Твоя речь, — Сигнус пожал плечами, — действительно задела за живое. Ты здесь жертва, и твои слова пробудили сочувствие у многих. Но до твоего выступления, все были готовы спустить их вниз и бросить через завесу. Ты дал им пищу для размышлений, и сейчас Амелия пытается найти выход. Однако, это может оказаться невозможным. Гарри вздохнул. — Хорошо, — сказал он, — по крайней мере, они обсуждают это.Сигнус положил руку на плечи Гарри и Дафны, и, пожелал им удачи, поспешил обратно к членам клуба.

http://tl.rulate.ru/book/93580/3121299